

Детский путь, по которому /

ДЕТСКУЮ КНИГУ в районе станицы делают писатель и художник. Детская книжка — о чём бы она ни была — книга познавательная. И при этом по-знатательная не только в смысле новых сведений, но и новых чувств, потому что каждый ребёнок открывает для себя мир заново.

Всем детям с четвёртого класса известно, что северный олень — это яйцообразное, что у него рога, что он ест ягель и что он пронюхает полынь человеку.

Этих сведений достаточно, чтобы смотреть на животных с точки зрения пользы. Я слышал, как одна девочка спросила у отца, почему на ягере в кистях «рога, для чего зубр». Потом она подошла к жирафу и спросила: «Пёсль, в яйце полосинки?»

Но если бы детская литература ограничивалась ответами на эти вопросы, тогда бы она не была искусством. Одна из задач искусства — воспитать у человека с самого раннего возраста удивления перед миром, заслуживающим похвалы и поэзии.

Художники нарисовали из всяческого на кардах. Ведь кард их нормит. И кард получился жёлтым.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже тянется. Но она совсем не потока.

Читатель, который вместе с

РИСУНОК ЗВОНКИЙ, КАК СТИХ

Художник Май Митурин.

на рисунке: эта сельда приходит в белое море из просторов Ледяного океана. Чтобы нарисовать её так, надо самому пойти с рыбаками на лов сельди и увидеть, как стан рыб мелькают под диньшем лодок в зелёной толще воды.

А вот совсем другой, спокойный, покойный на крутом рисунке. Среди болотных тростников, на кочке лягушка. Этот рисунок передает на грустное, вечернее настроение рассказа. И хотя этот только чёрно-белый рисунок, мы видим и красный закат над болотом, и туманно-зелёные ма-

норамы. Над ним оригиналы рисунков Май Митуриной к книге «Обительный остров», приобретённой Третьяковской галереей, а книжка получила диплом на Всесоюзном конкурсе лучшии графических работ.

Шесть много книг о природе вышло в свет с рисунками Май Митуриной, и каждая иллюстрация в этих книгах подготовлена диктантами набросков, сделанных с натуры, и на китобойном корабле «Ураган» в Тихом океане, и на пустынях Средней Азии, и на лесных речках в боровом заповеднике, на вулканических Курильских островах...

Однако лирические рисунки о природе — это только часть её графики. В издательстве «Советская Россия» выходит большой сборник — «Стихи для детей» С. Маршика с иллюстрациями Митуриной.

Над макетом и рисунками к этой книге художник работал около двух лет. Одна из главных задач его заключалась в том, чтобы большое количество цветных рисунков в тексте не утомляло глаз, не настораживало, как говорят художники. Макет должен подчиняться внутреннему строю книги, создавая свой собственный изобразительный ритм: мелким рисункам приходит на смену большая, страничные. Яркие, насыщенные цветом иллюстрации сменяются более лаконичными, сдержанными по цвету.

Рассматривание рисунков в такой книге помогает маленькому читателю пристигнуть точную позицию стихов Маршика и приучает его к восприятию красоты в изображении.

С Маршиком к книге «Обительный остров» приобретена Третьяковская галерея, а книжка полу-

чила диплом на Всесоюзном конкурсе лучшии графических работ.

Последняя опубликованная рабо-

та Май Митуриной — «Васильевы чинки» С. Маршика и Д. Харисса. Рисунки живые, острогумные, цветные, звучат, как смех стихи, и маленькая эта книжка — большая удача художника.

В Фаворский часто помогают Ми-

туриной добрыми советами во врем-

яна его работы над макетами новы-

х книжек. Эти советы сыграли

серебряную роль в становлении

художника-иллюстратора. В книж-

ных работах Митуриной появилась

большая струйность, цвет стал ис-

пользоваться разумней, экономи-

чески.

Хочется привести здесь слова

Владимира Андreeвича Фаворского,

сказанные им по поводу своей

работы над иллюстрациями «Рас-

казов о животных» Л. Толстого:

«...и маленьких рассказов, все изо-

бражения очень реалистично. Толстой не

прибегает к художественным краскам,

и вот я призываю его дол-

жен быть найден зайдь, насторожи-

май, в кропотке, которого все

мне подсовывают, всякие изобра-

жения. Куда бы я ни обращался,

всюду был кропоток. Наконец, в

конверте с паспортом я нашел зайдь,

и поразился его строению. Он бы

был гордо серебряной, чем кро-

лик. Я стал гравировать и должен

сказать, что гравюра, которая у меня получилась, мне не понравилась. У меня вышел зайдь очень реалистичный, но честно он был нехороший.

Мне казалось, что его можно разглядывать, шубе такая, стро-ник таков, весь подходит таков, но больше ничего.

Можно было сказать, что прин-
знаков отца-отцом у него не было, но он никак не был поэти-
ческим зайдем, в мне нужен был реалистично-поэтический зайд, кото-
рый рассказывал бы о снежных
полях, о морозах, о поросших си-
нами морозных ночах. И я на-
грравировал другого. А кроме того,
мой зайдь должен был жить в кни-
ге, в этой вот книге...»

Мне кажется, что эта мысль
дает ключ к пониманию реализма
в работе художника Фаворского.
Лучшие работы Митуриной сказы-
вают о том, что он верен традициям
русской и советской книжной гра-
фики.

Не случайно он получил в этом
году серебряную медаль на Между-
народной выставке графики в
Лейпциге (за иллюстрации к про-
изведениям Маршика).

Каждая новая работа Митуриной
раскрывает его талант по-новому.

Г. СНЕГИРЕВ.

* Цитируется по неопубликованной
речи письменной В. Фаворского, хла-
нившейся у его дочери М. Е. Фа-
ворской.

С КРАСОТОЙ?

жертвах эпидемий, жертвах пожа-
ров, эпидемий, гибели, как же мож-
но называть «жертвы» революции?
Кто отдал жизнь за эти ее ради?

Они — жертвы контрреволюции, жерт-
вы искусственных сдвигов, коммунистов и Юде-
ев, помешанных и блокированных. И не без
оснований. Кого же такое имя увеко-
вничало?

Неуважение, хотя и с наилучшими побуждениями данное, оно продолжалось почти тридцать лет. Теперь вос-
становлено старое название: «Любопыт-
ливые сдвиги».

Довольно с перименованиями, грубо-

вым с согласием: имена улиц и сел-
иций?

Почему создалась «обобщка» назы-
ваний, превращающих во всем городам, во всем селам, всюду и всегда, как в
царской России, и Успенские улицы? Вид-
ите же, какое это предательство!

Вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

НОВОЕ, НОВОЕ, НОВОЕ

Довольно с перименованиями, грубо-

вым с согласием: имена улиц и сел-

иций?

Почему создалась «обобщка» назы-

ваний, превращающих во всем городам, во всем селам, всюду и всегда, как в
царской России, и Успенские улицы? Вид-
ите же, какое это предательство!

Вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной вершине.

Вот рисунок к рассказу «Пинегород» с белым морем. Здесь тоже

тянется. Но она совсем не потока.

А вот чёрный корон лежит над горной долиной. Каким бы большими мастерами ни были художники, они не смогут нарисовать золотые листьяшки на склонах гор, передать тишину осенней тайги, если он сам никогда не стоял на горной

